

СЕЛЬСКИЕ ЭЛЕКТРИКИ

Если вам хотя бы один раз случалось проезжать скалистыми берегами Кубани или двух Зеленчуков — Малого и Большого, то вы могли видеть странное смешение казачьих и черкесских поселений: что ни ущелье, то цепочка аулов, — обычно стоят они один вблизи другого; что ни долина или балка, то зеленый шатер казачьей станицы. Так и встает перед глазами живая история, — каждому видно, что в далекие времена в этих местах проходили две враждующие линии; что вот тут когда-то стояли заградительные кордоны и крепости; что вот в тех ущельях шумели набег. Давным-давно забыты те далекие времена, и только кое-где, как островки на море, еще стоят на отвесной скале сторожевые башни — совсем уже хилые, изъеденные дождями и никому ненужные...

И примечательно то, что в наше время внимание проезжего привлекает не остатки сторожевых башен с пустыми глазницами бойниц, а усадьбы машинно-тракторных станций, коневодческих совхозов, кошары и базы животноводческих ферм, — как маяки стоят эти строения на всем пути от города Черкесска до станиц Сторожевой и Преградной... К этим постройкам после войны прибавились домики гидроэлектрических станций, и по горным ущельям, из одного населенного пункта в другой, протянулась сеть высоковольтных и низковольтных проводов.

— Да, дело идет, — многозначительно заметил кучер, казак лет под шестьдесят, подгоняя уже приморившихся лошадей. — На нашей земле открывается такая картина, что ежели говорить по справедливости, то куда ни взгляни, а линия у нас правильная. Взять для наглядности нашу Зеленчукскую. Теперь эту станицу все знают. Почему, сказать, туда люди едут и едут? Да потому, что там все: чи тебе нужны техники или инженеры, — так имеются всякие; чи требуется осмотреть гэсостанцию, — пожалуйста, осматривай, что ж такого? чи тебе требуются какие машины или, сказать, проволока, — есть и это; чи там мастерские или еще что, — все имеется налицо! Вот и едут к нам люди со всех краев. А как же — центр!

Кучер уже положил кнут, очевидно, собираясь подробнее рассказать о своей станице, но в это время рядом с нашей тачанкой остановилась полуторка, и из шоферской кабинки вышел худощавый и молодцеватый на вид мужчина. На голове у него была серая войлочная шляпа с широкими, свисающими полями. Одет он был в сапоги и суконные брюки-галифе, точно из такого же сукна гимнастерка с расстегнутым воротом, подпоясанная тонким ремнем в серебряном наборе.

— Э! Анзор! — крикнул кучер. — Далеко скачешь?

— А у меня дорога прямая! — весело ответил Анзор. — В Зеленчукскую. Не знаешь, Готовцева я застану дома? Не могу я его поймать — все по стройкам мотается.

— Вчера был дома, — кучер хитро усмехнулся, черкнув ладонью жесткие усы. — А по какому делу едешь? За электрическими машинами?

— Нет. В гости к Готовцеву. — Анзор усмехнулся, снял шляпу и вытер ею пот. — Ну, дайте мне огонька, а то я тороплюсь...

Тем временем на горы спускались сумерки. Машина Анзор а скрылась за поворотом, осветив прожекторами фар угол скалы. Кучер повернулся ко мне и сказал:

— Сосед... Колхозный завхоз. И до чего ж он быстрый, каналья! А какой обманщик — ужас! Ведь я ж хорошо знаю, что едет он за машинами, говорит, что к Готовцеву в гости. Да таких гостей у нас всегда полон двор... И то сказать, Зеленчукская — центр!

Мы ехали очень долго — «центр» оказался не так-то близко. Давно над горами висела густая россыпь звезд, — темные и удивительно звездные бывают южные ночи в пору безлуны. Ни скал, ни дороги не было видно. Мы поднялись на небольшую возвышенность, и тут, в отлогой ложбине, почти перед нами, полыхало зарево огней. Красивое это было зрелище! Свет разливался над садами, и сквозь сочную зелень, окрашенную в розовый цвет, гусиной стаей белели стены домов, а кругом — темные силуэты гор... Издавна я знаю эти места, а посмотрел в низину и удивился: да откуда же здесь взялись эти кварталы домов, залитые таким ярким светом? Какой такой неведомый мне город вырос в горах? А кучер только усмехается. Он нарочно остановил лошадей и приподнялся на козлах.

— А чего же тут удивляться? — гордо заявил он. — Это же Кардоникская! Неужели ты не знаешь Кардоникскую? А вот еще возьмем одну возвышенность, тогда и не такое чудо увидишь — там Зеленчукская! Эге! По всему видать, что ты человек нездешний!

Я — и нездешний? Смешной же старик, он того и не знает, что в этих-то местах я не новичок — давным-давно изъезжены и исхожены эти дороги. Только вот как описать увиденное, какими словами рассказать о жизни казачьих станиц и черкесских аулов, чтобы и тот, кто никогда здесь не был и, возможно, не будет, тоже и увидел и поверил?

Конечно, проще всего было бы сказать: в горах рождается электричество, и с его рождением меняется и культурная и производственная жизнь станиц и аулов; сказать, что по пятилетнему плану на малых и больших горных реках, в радиусе не более ста километров, сооружается 23 гидроэлектрических станции общей мощностью в 5000 киловатт; сказать, что 5 гидростанций уже пущены в эксплуатацию, и дешевая энергия не только освещает станицы, кошары, полеводческие станы, но решительно вмешивается в производственную жизнь колхозов, облегчая труд людей; сказать, что строительство ведут сами колхозы, на свои средства и своей рабочей силой... Но сказать только об этом, значит, умолчать о самом главном: за голыми фактами, за колонками точных цифр стоят люди, строители, техническая интеллигенция, — не просто люди, а творцы новой жизни.

И начало свое эта новая жизнь берет в станице Зеленчукской. На главной улице стоит огромный, обмазанный глиной дом — «Сельэлектро». Широкий двор обнесен старым садом. Тут же электромастерские и склады. Во дворе постоянно полно приезжих — и брички с волами, и тачанки, и автомашины, и верховые лошади. Только тут я понял, что означали слова кучера: «Вот и едут к нам люди со всех краев! И то сказать, Зеленчукская — центр!» Оказывается, центр не только потому, что здесь находятся районные организации, а и потому, что в Зеленчукской есть строительная контора «Сельэлектро» — здесь осуществляются смелые строительные проекты, отсюда идет техническое руководство всеми стройками, из этого двора увозится гидротехническое и электрическое оборудование.

Во дворе я увидел и Анзора — он уже грузил на автомашину трансформатор и электрические моторы. А в коридоре, где временно обосновался кабинет главного инженера Готовцева, толпятся гости из колхозов: одни уходят, другие приходят, и у каждого есть свое неотложное дело к инженеру.

Евгений Дмитриевич Готовцев, уже немолодой, с побелевшими висками и усталыми, но поразительно светлыми глазами, только что вернулся из поездки по строительным участкам и занимался своими, так сказать, домашними делами. Он принимал посланцев из колхозов, говорил с ними тихим, даже несколько застенчивым голосом. Тут я познакомился с Голощачовым — старшим электромонтером, энергичным и волевым работником, который постоянно находится либо в колхозах, либо на стройках; познакомился с инженером Погореловым — начальником строительства Исправненской ГЭС, человеком необыкновенной популярности в этих местах; познакомился с опытным механиком Ремизиним, уже немолодым, но в делах удивительно поворотливым... Советская техническая интеллигенция горячо берется за электрификацию сельского хозяйства, — более шестидесяти человек инженеров, техников, электромонтеров работают на строительстве гидростанций в горах. Как правило, живут они здесь с семьями и уже так сдружились с казаками и горцами, так привыкли к этим живописным местам, что их считают местными старожилками. Велика их популярность в колхозах! Поговорите с колхозниками о Готовцеве, о Погорелове, о Голощачове «ли Ремизине, и вы всюду услышите самые лестные отзывы, — радуется то, что люди с высшим техническим образованием стали самыми близкими друзьями колхозников. «Так мы их уже и в казаки приписали — теперь они насовсем наши», — говорят в колхозе «Ударник». «Значительные люди, настоящие джигиты в своем деле», — говорят о них в ауле.

Тут, надо полагать, сказался местный старинный обычай, — так говорят только о человеке, заслужившем особую почесть. Безусловно, в наши дни и звание джигита, и приписка в казаки звучит лишь, как добродушная шутка. А сколько в этих словах почета и уважения, — по всему видно, что и старые и молодые жители станиц и аулов понимают: без таких людей, как Готовцев или Погорелов, им жить уже нельзя. Да это хорошо понимают и сами инженеры и техники, поэтому и миссию свою в Зеленчукской они оценивают весьма высоко.

— Мы — сельские электрификаторы, — говорит Готовцев, — и наша жизнь не отделима от жизни колхозов.

Евгений Дмитриевич рассказывает о недалеком будущем горных районов, а перед ним — карта строительных объектов. Жирными линиями отмечены ущелья — они расходятся во все стороны, как ветки на дереве, а по ним пунктирами тянутся реки: тут и сама бурная Кубань, и оба Зеленчука, как два брата, разъединенные скалистым хребтом, и такие мелководные, но капризные во время дождей речонки, как Хумара, Хасаут, Кефарь, Уруп. Что ни речка, то и стоит на ней кружок — метки колхозных гидростанций. Есть кружки красные — эти станции уже работают, а большинство кружков закрашены до половины — здесь строительство в полном разгаре.

— Взгляните вот на этот кружок, — говорит Готовцев. — На реке Большой Зеленчук строится Исправненская ГЭС. Пуск ее намечен на июль, но мы могли бы ее пустить еще весной. Могли — и не пустили. А почему? За нами дело не станет — есть у нас и специалисты и необходимое оборудование. Беда была в том, что руководители района до последнего времени не верили в успех своей стройки, по этой причине и затянули земляные работы. — Готовцев скупо улыбнулся, как бы что-то вспомнив. — Ох, это неверие! Сколько оно причинило нам горя. «Пустая затея, не будет толку», — это можно было слышать всюду. Это теперь, когда пять гидростанций уже работают и на полях идет электромолотьба, очистка зерна, когда полностью механизированы мастерские МТС, работники «Сельэлектро» стали в этих местах желанными людьми. А что было, скажем, год или два тому назад? Даже такой передовой человек, как председатель райисполкома тов. Целиков, и тот никак не мог поверить тому, что у него в районе будет своя электростанция. «Да как же это можно? Берега у нас горные, как же тут вода пойдет, — зря только землю роем», — вот его доводы. Теперь и Целиков, да и не только он, рассуждает по-иному. И вы думаете, помогли наши постоянные беседы и разъяснения? Да нет же! Доказывать свою правоту пришлось делом. Пустили в прошлом году самую крупную станцию — Зеленчукскую ГЭС, и это явилось такой мощной агитацией, что ничего лучшего и желать нельзя. Со всех строек приехали сюда «ходоки из неверующих», люди дотошные, придирчивые. Обошли они и канал, побывали и на головном шлюзе, осмотрели и здание, и машины, а когда уехали, работа у них закипела. Пуск Зеленчукской ГЭС — первая наша крупная победа. Работать стало легче, неверию пришел конец...

Евгений Дмитриевич говорил долго и подробно, и не просто сообщал сухие факты и проценты выполнения плана, а рассказывал об интересах и нуждах колхозов, о тех ярких и заманчивых перспективах электрификации станиц и аулов, которые теперь видны всякому.

Стоит лишь поговорить с любым специалистом «Сельэлектро», как вы заметите, что каждый кружочек на схематической карте для них не просто строительный объект, а что-то гораздо большее и значительное. Будущее каждой из 23 гидростанций они оценивают не как подрядчики, выполняющие работы, а как хозяева этих мест, и им не безразлично, как и где будет использоваться электроэнергия. Облегчить трудоемкие процессы труда в колхозах — вот их заветная мечта. Поэтому инженеров и техников «Сельэлектро» не в меньшей мере, чем, скажем, секретаря райкома или председателя райисполкома, председателя и парторга колхоза интересуют и электромолотьба, и электросушка зерна, и электроочистка, и электрическая стрижка овец, дойка коров, устройство в колхозах циркульных пил, механизация мастерских МТС, колхозных кузниц... Наступает время молотьбы, и инженеры-строители обеспокоены тем, чтобы не к четырнадцати молотильным токам были подведены электролинии, как это имело место в прошлом году, а к двадцати пяти. И это уже делается, и всюду работами руководят техники «Сельэлектро». Как известно, сушка зерна, в условиях горного, чрезмерно дождливого лета, задерживает хлебопоставки, и инженеры вместе с работниками района строят электросушилку...

А спросите у Готовцева или у Погорелова, какое значение будут иметь в ближайшем будущем строящиеся гидростанции для развития экономики горных районов, какие новшества принесет электричество на поля и в животноводческие фермы, и они расскажут об этом так, как только может рассказать влюбленный в свое дело человек. Нижне-Ермоловскую ГЭС, например, строит колхоз имени Первого Мая, затрачивая на нее 210 тысяч рублей, и инженеры уже подсчитали, какую материальную выгоду принесет эта станция колхозу: электричество проникает во все отрасли хозяйства и за какие-нибудь три — четыре года с лихвой окупит затраты. По тем же расчетам инженеров гидростанция имени Кирова на реке Большой Зеленчук уже осенью даст свет во все аулы Кувинского района, а к будущему лету здесь полностью будут механизированы процессы труда и в поле, и на фермах.. Те же перспективы имеют Усть-Джегутинская ГЭС на реке Кубани и Сторожевская — на реке Кефарь. Но мало этого. Расчеты и планы инженеров идут дальше. Энергия Верхне-Архызской ГЭС механизировать труд на лесоразработках. На электрической энергии будут

работать местные заводы по производству дегтя и скипидара. Важнейшую роль сыграет электричество и в развитии новых, только что открытых угольных шахт...

Инженеры «Сельэлектро» не только строят станции, но и перестраивают жизнь горных районов. В этих горах они не одиночки: у них тысячи помощников, и какие помощники! Тут и районные работники, и председатели колхозов, и парторги, и молодежь. Как молодые побеги вырастают в соседстве со старыми деревьями, так и рядом с инженерами и техниками «Сельэлектро» уже выросли в станицах и аулах свои специалисты; в горах родилась новая профессия — появились колхозные электрики.